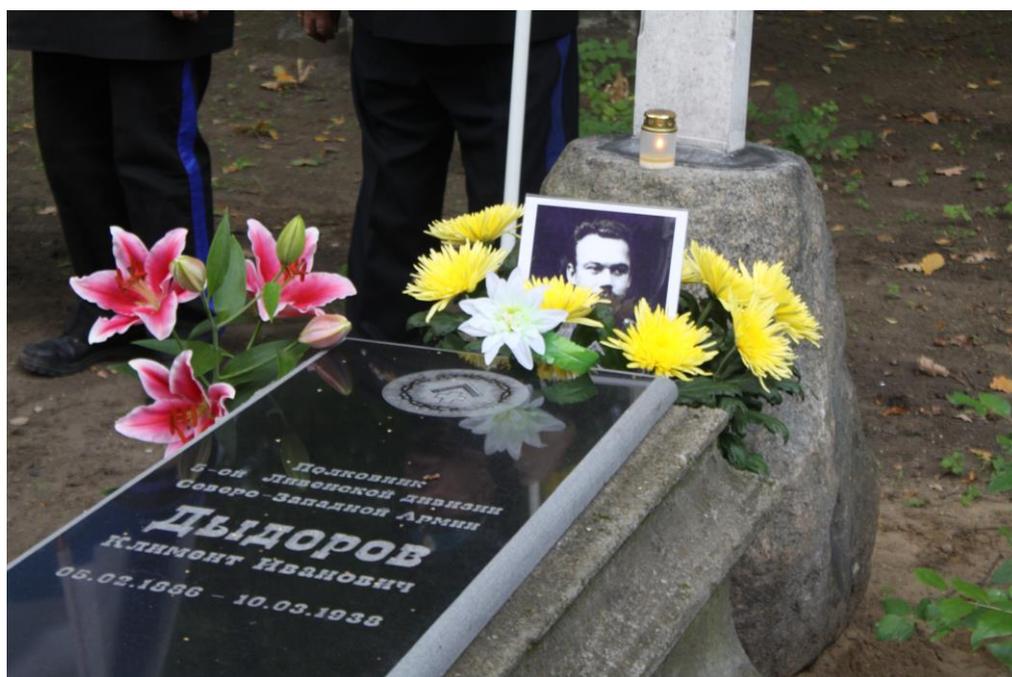

Жизнь и смерть русского офицера (торжество правды о Клименте Ивановиче Дыдорове)

То, что произошло вокруг возрождения имени Дыдорова, иначе как чудом не назовешь. Несомненно, заслуживают внимания и повествования те люди, которых Господь сподобил внести свой определенный вклад в сохранение доброй памяти об одном из замечательных русских офицеров начала 20 века.

Признаться, автор этого очерка окунулся в историю Белой Армии начала 20 века совсем недавно, буквально до сентября ни сном, ни духом не ведал, какой увлекательной окажется «белая» тема и биографическая история Климента Ивановича Дыдорова. Итак, 14 сентября 2012 года в 16 часов на Покровском кладбище я оказался среди группы примерно в 20 человек неравнодушных к историческому прошлому. Неподалеку от Братской могилы павших русских воинов в период I-й мировой войны происходило поминание Климента Ивановича Дыдорова, русского полковника, участника Белого движения. Половина его жизненного пути была связана с Латвией и Эстонией. Отец Олег (Пелевин) совершил панихиду и в своей речи заметил, что Климент Иванович сражался также за веру в бессмертие души, против которой боролась советская власть.

Надгробная плита могилы Дыдорова К.И. на Рижском Покровском кладбище.

Фото автора.

В своем выступлении председатель Резекненской старообрядческой общины, депутат Сейма Владимир Никонов отметил основные жизненные вехи Дыдорова К.И.:

«Имя доблестного русского офицера не предано забвению. Климент Иванович Дыдорov родился в Петербурге. Окончил инженерное и юнкерское училище. После получил

направление в Рижский пехотный полк. Награжден многими орденами, в том числе орденом св. князя Владимира 4-й степени. В конце 1918-го года участвовал в формировании военных сил для защиты Риги от большевиков. Потом – гражданская война и переезд в Резекне. Здесь в Латгалии занялся электрификацией города, владел двумя электротехническими магазинами. Умер в 1938 году в возрасте чуть более 50-ти лет. Долгое время могила считалась утраченной. Сначала там находился лишь деревянный крест...».

На панихиде 14-го сентября, я познакомился с доброй женщиной Надеждой Ивановной Горбань, которая в подробностях рассказала о том, как же была обретена могила русского офицера. Хроника сего важного события, по словам Надежды Ивановны, была такова (для удобства разобьем ее на периоды):

1. 2004 год – Надежда Ивановна Горбань, по прочтении книги С. Видякиной и С. Ковальчук «Покровское кладбище. Слава и забвение», озаботилась вопросом местонахождения могилы К. И. Дыдорова, который был сослуживцем ее отца в 5-й Ливенской Дивизии Северо-Западной Армии. Отец Надежды Ивановны – Петрухин Иван Петрович присутствовал на отпевании светлейшего князя А. П. Ливена в 1937 году в рижском Александро-Невском Храме. В книге о Покровском кладбище сообщалось лишь о том, что *«могила не обозначена, рядом с братским захоронением солдат Первой мир. войны».*

По сути, в тот момент в сердце Надежды Ивановны зажглась «звезда» надежды в возможность нахождения могилы Дыдорова К. И. и вера в исполнении этим обретением долга перед ее отцом-«ливенцем». Так начинался нелегкий путь поиска пропавшей святыни...

Пять лет стремлений ухватиться за что-либо ведущее к цели, не увенчались успехом.

2. 2009 год – Надежда Ивановна со своим духовным отцом – игуменом Евгением едет в Печоры на похороны матушки Нины – матери о. Евгения. Зная о том, что псковский историк Константин Петрович Обозный был духовным сыном о. Павла Адельгейма, (и в надежде на возможное знакомство Обозного с дочерью Дыдорова), после похорон отправились во Псков. 15 октября о. Павел связывается с К. Обозным, а тот в свою очередь с историком, специалистом по Белой Армии Сергеем Геннадьевичем Зириным из Кингисеппа (бывшего Ямбурга). Далее Обозный К. сообщил, что Зирин С.Г. отправил запрос в Бразилию, где проживала дочь Галина Климентовна Дыдорова.

Обложка книги историка Зирина С.Г.

Наконец-то, 3 ноября было получено письмо от Зирина С.Г. с электронным почтовым адресом дочери Дыдорова и с согласием Галины Климентовны на переписку. С тех пор завязалась непрерывная и душевная переписка между дочерьми офицеров Ливенской дивизии – рижанкой Надеждой Ивановной Горбань (Петрухиной) и Галиной Климентовной Феофиловой (Дыдоровой). В одном из писем от 21 декабря 2009 года удивляясь Божественному Промыслу, Галина Климентовна спросила: **«А теперь лишь один вопрос: Кто этот священник во Пскове который нас свел?»**.

3. 2010 год приблизил скрытую до сих пор тайну захоронения полковника Дыдорова.

В феврале, как бы предвосхищая грядущие знаменательные события, Галина Климентовна пишет: **«Мне дорога память о моем отце, молитва о упокоении его души в месте светлее, злачнее, покойнее идеже все праведные упокоются. Господи помилуй. Тело его предаю в руки Твои Боже!»**.

В марте Галина Климентовна из Сан-Паулу прислала Надежде Ивановне две старые фотографии с изображением могилы отца на Покровском кладбище. На них еще видны были горы свежих цветов. **«Среди немногих сохранившихся старых фотографий сделала для Вас копию могилы папы в день похорон. Весь же альбомчик с десятками снимков пропали при бегстве»** (из письма Галины Климентовны Надежде Ивановне Горбань). И как только сошел снег, в мае Надежда Ивановна устремилась на кладбище, чтобы по снимкам попробовать сориентироваться на месте и установить место могилы. В присутствии управляющего Покровским кладбищем Виктора Смирнова, по бразильским снимкам и была установлена максимально точно могила полковника Дыдорова К.И.

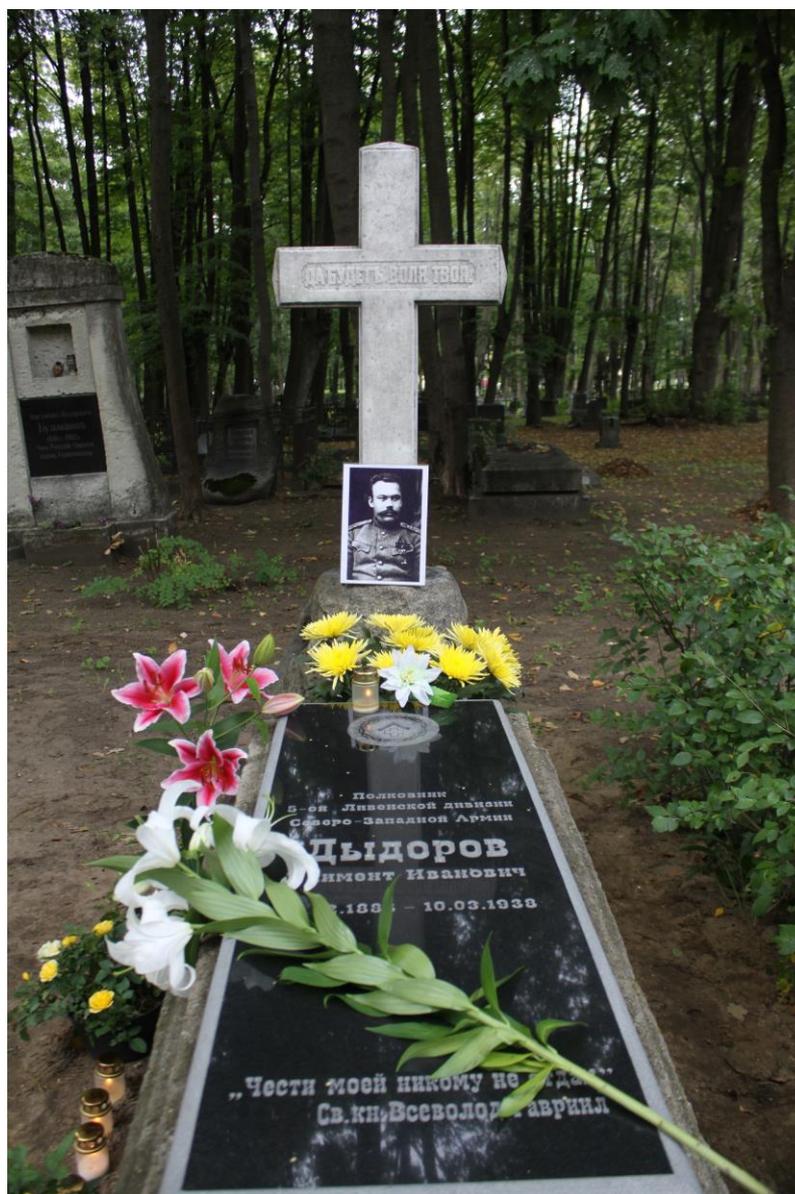
Сравнение снимка Галины Климентовны; на дальнем плане – склеп рижской семьи Немцова.
Фото Трубецкого Д.И.

Сравнение снимка Галины Климентовны; на дальнем плане – Братская могила, павших
воинов в 1-ю Мировую войну. Фото Трубецкого Д.И.

Тогда, предполагалось восстановить крест и надгробие. Деятельное участие в обустройстве захоронения принимали как Виктор Смирнов, так и Светлана Видякина.

28 мая в Риге проходила старообрядческая конференция, на которой Надежда Ивановна лично познакомилась с Владимиром Владимировичем Никоновым и оттуда привезла его на Покровское. При управляющем Смирновым В. и Владимире Александровиче Ивине еще раз удостоверились в месторасположении могилы Дыдорова. Ориентирами здесь послужили как Братская могила 1-й Мировой войны и склеп Немцова. Все это делалось для того лишь, чтобы успеть обрядовать еще здравствующую 90-летнюю дочь Дыдорова – Галину Климентовну! И вот в ноябре 2010 года на могиле полковника Белой Армии долгожданный крест (который нашла и выбрала Светлана Видякина) и надгробие.

Крест, надгробие и плита на могиле Дыдорова К.И. – «Правда восторжествовала!».

Фото Трубецкого Д.И.

Летом же 2012 года завершилось оформление могилы Дыдорова. В июне Надежде Ивановне из бразильского г. Сан-Паулу протоиерей Константин Бусыгин, настоятель Свято-Николаевского храма, прислал металлическую пластину с изображением шеврона Северо-Западной Армии в терновом венке. Этот стилизованный знак-шеvron и лег в основу, мраморной плиты созданной Никоновым В. в Резекне.

Пластина со стилизованным шевроном Северо-Западной Армии из г.Сан-Паулу.

Фото Ивина В.А.

Обретение места захоронения полковника Дыдорова шло тернистым и путем примерно в 10 лет. Но эта «десятилетка» поисков сплотила вокруг себя и установила связи между многими людьми, соединила даже континенты, а также эпохи и души.

Надо сказать, что все помнящие дело русских офицеров в Латвии чествуют 22 мая особенно. Потомки белогвардейских эмигрантов в этот исторически важный день во всех концах света заказывают панихиды и молятся за всех убиенных и усопших воинов, положивших жизнь, в том числе и за независимую Латвийскую Республику. Именно день 22 мая, когда дружно сражались латыши и русские, вполне мог бы стать официальным праздничным днем Риги и Латвии и положить начало новым дружественным отношениям между русским и латышским народами. Надо только не забывать этих страниц новейшей истории Латвии, писать об этом в школьных учебниках.

Дыдоров Климент Иванович

Приоткроем страницы жизни русского офицера, познакомимся ближе с военным деятелем первых десятилетий XX века Климентом Ивановичем Дыдоровым. Родился Дыдоров К. И. 5 февраля 1886 года в Санкт-Петербурге. *«Начал работать как химик на текстильной фабрике, где служил его отец и братья»* (из писем дочери полковника Дыдорова – Галины Климентовны Феофиловой к Надежде Ивановне Горбань; далее – из писем Галины Климентовны). Образование получил в Императорском техническом училище. В 1908 году окончил Владимирское военное училище (юнкерское). В училище дослужился до звания подпоручика и был приписан в 177-й пехотный Изборский полк. *«Его Изборский полк какое-то время стоял в Риге, где он познакомился с мамой (будущей супругой – М.Т.) Гертой Карловной Зейберлих. В ноябре 1912 года родители венчались в Александро-Невской церкви в Риге. Вскоре полк был переброшен в Пензу»* (из писем Галины Климентовны). С начала I мировой войны Дыдоров воюет на фронте. В феврале 1918 после расформирования дивизии в Ярославле он добирается через Москву в Ригу. По приезду Дыдоров начал формировать антибольшевистские части.

В конце октября 1918 года Климент Иванович организует добровольческий отряд в Риге для борьбы с большевиками. Эти действия в немалой степени способствовали возникновению, как латвийской армии, так и самой суверенной Латвии на карте Европы. Началось формирование Балтийского ландесвера (ополчения). В его создании принимали участие ротмистр светлейший князь Анатолий Ливен и капитан Климент Дыдоров. 15 ноября 1918 накануне провозглашения независимости Латвии началось формирование Рижского отряда охраны Балтийского края, в который входила и Русско-сводная рота (капитан К.И. Дыдоров). Климент Иванович в своих записях об этом отряде писал: *«Командование Рижским отрядом в первые дни было коллективным. Приказы подписывались четырьмя представителями, по*

одному от латышей, немцев и одним поляком от других национальностей». В благодарность латвийское правительство обещало права гражданства всем участникам освобождения Латвии. Уже в январе 1919 года рота Дыдорова вошла в «Либавский добровольческий стрелковый отряд» во главе с светлейшим князем А. П. Ливеном и вскоре начала взаимодействовать с будущими национальными героями – Оскаром Калпаком, Янисом Балодисом. Вспоминая в одном из писем о январских событиях 1919 года, Дыдоров писал: «Дрались здорово. Шли ва-банк и таким образом дошли до Риги, где были 22 мая, и пошли дальше».

Из Елгавы (Митава) началось наступление на Ригу и 22 мая 1919 года русский отряд светлейшего князя Анатолия Павловича Ливена и латышский полк Балодиса совместно с немецкими частями освободили Ригу от красных. Климент Иванович писал о тех тревожных днях: *«Большинство русских людей Латвии сознает свои национальные услуги, оказанные своему второму отечеству, но есть среди нас и такие, которые, величая себя «рижанами», до сего дня не знают, в чем же заслуга русских людей в деле освобождения Латвии и ... Риги от большевиков».* Климент Иванович, вспоминая стремительное взятие и освобождение Риги от красных, отметил заслугу прапорщика Елисеева, который вышел с частями ландесвера через болото в тыл большевиков. Не будь этих и подобных подвигов, *«вряд ли нам так быстро удалось бы быть в Риге, а раз так, то большевики посчитались бы с заложниками и мы многих бы еще не досчитались, даже из тех, кто сегодня здесь», - говорил полковник Дыдоров.*

Светлейший князь Анатолий Ливен, отказавшийся в апреле 1919 года возглавить латвийское правительство по указке немцев, также был убежден и свято верил: *«Если Латвия была освобождена от красных и таким образом утвердила свою независимость, то это только благодаря сотрудничеству всех населяющих ее национальностей, и только мирное сотрудничество населяющих ее национальностей гарантирует дальнейшее процветание страны»* (из книги Олега Пухляка «100 русских портретов в истории Латвии», Рига: D.V.I.N.A., 2008, с.137).

Строго говоря, у половины населения бывшей империи было два пути: бежать подальше от всепожирающих жерновов революции или сражаться с большевизмом. Белое движение в Прибалтике оказалось зажатой и зависимой от трех или даже четырех сил и их политических интересов. Главными игроками здесь в Латвии были Германия, Англия и Франция, а в Эстонии еще и Финляндия, не говоря уже о латышском и эстонском национальном движении. Кстати, именно за распределения сфер влияния крупных держав в истории Латвии был период троевластия. На территории Латвии образовались: правительство Карлиса Ульманиса, расположившееся на теплоходе «Саратов» под охраной английских и

французских военных в Балтийском море; прогерманское правительство пастора Андриевса Ниедры (с 10 мая по 29 июня 1919 года) и советская социалистическое власть (с декабря 1918 по январь 1920 годов) под председательством Петра Стучки. Командир белого отряда светлейший князь А. П. Ливен вспоминал: *«Впечатление при взятии Риги от душевного и физического состояния горожан было удручающее. Рассказы о большевистском режиме, о терроре и лишениях превосходили все, что проникало до тех пор в печать. Рассказы эти подтверждались при находке массы расстрелянных и изуродованных трупов. Ко всем бедствиям присоединились форменный голод и эпидемия тифа. На фоне всеобщего бедствия ярко выделялась картина празднества в дворянском доме по поводу свадьбы дочери главного комиссара Стучки. Масса гостей съехались по этому поводу со всех концов России, и, говорят, никогда ещё и нигде, ни в одном зале не видано было такого ослепительного количества дорогих камней и драгоценностей, как на гостях товарища Стучки».*

Дыдоров принимал деятельное участие, к глубокому сожалению, в неудачном наступлении (не поддержали финны и эстонцы, суетились и вели закулисные игры англичане) главнокомандующим Северо-Западной Белой армии генерала Николая Юденича на Петроград. А ведь армии Юденича до Петрограда оставалось всего 20 км! Какие же силы мешали разгрому большевиков в революционном Петрограде? Во-первых, наступление Северо-Западной Армии не поддержала Финляндия; во-вторых, генерал Юденич находился в полной денежной и военной зависимости от «союзников», и, в-третьих, Юденич, как пишет командир 5-й пехотной (Ливенской) дивизии, светлейший князь Анатолий Ливен, *«всецело зависел от эстонцев, обозленных тем, что русское правительство имени Колчака не желало признать их независимости».*

«Значительную роль во время героического наступления на Петроград сыграли ливенцы под командованием Дыдорова руководимого и направляемого больным (после тяжелого ранения в боях у Ропажы – М.Т.), **но не вышедшим в отставку Князем** (Анатолием Павловичем Ливеном)», - сообщает в письмах дочь Дыдорова, Галина Климентовна Феофилова. Сам светлейший князь А. П. Ливен в мемуарах дал следующую характеристику новому командиру (с 24 мая по 20 ноября 1919 года) «ливенцов»: *«Исполняющим должность начальника дивизии, в виду моего состояния здоровья, назначен был полковник Дыдоров, беззаветно храбрый, преданный своему делу, безупречной честности офицер, пользовавшийся искренним доверием всех чинов отряда».* К сожалению, под предлогом разворачивания в дивизию, у отряда отобрали броневик, две гаубицы, шесть легких орудий и аэроплан. А чуть позже пришлось отступить в Эстонию и расформироваться. 22 января 1920 года приказом по армии Н. Н. Юденича русская Северо-Западная армия была ликвидирована. Дыдоров остался в Тарту и помогал выбраться «ливенцам». По правде

говоря, надо отметить неприглядную роль эстонцев в провале наступления на Петроград и уничтожении Белой Армии генерала Юденича, куда входили и «ливенцы». За больными солдатами не ухаживали, запрещали мыться в бане, отбирали продовольствие. Некоторых эстонцы выгоняли за пограничную проволоку и таким образом отдавали их в руки врагов – большевиков...

Климент Иванович о прошлом ужасе с горечью вспоминал: *«Через границу (Эстонии) нас пропускали с условием сдачи оружия. Под предлогом розыска оружия нас обыскивали... и брали все, что им нравилось. Северо-Западную армию послали в леса и болота на работу и поставили такие условия, что каждый бежал куда мог, лишь бы уйти вон из пределов своей бывшей союзницы Эстии, которой в свое время оказали очень большую помощь»*. В ноябре 1919 года Дыдоров выбывает из дивизии и нелегально живет в Нарве, где свирепствовал тиф. О тяжелой ситуации с остатками армии трогательно писал: *«Я имел возможность оставить Эстию еще в январе 1920 года... но «удрать» от тех, кто со мною шел в опасные минуты боя, я не решился и вот остался среди тифа с женой для того лишь, во-первых, чтобы хоть словом, а иногда и делом кое-кому помочь, во-вторых, чтобы пробовать стучаться всюду и искать какого-нибудь выхода, и в-третьих, чтобы никто мне здесь, в Латвии, не смел бы сказать, что я их бросил»*.

В марте 1920 года Дыдоров был на Русском съезде в Ревеле (ныне – Таллин). Здесь в качестве товарища председателя он работает по улучшению положения русских, а по закрытии съезда в Юрьеве работал в Комитете эмигрантов. Позже в 1920 году русский офицер с семьей переезжает на жительство в латвийский город Режицу (Резекне). Семья владеет электротехническими магазинами, инсталлируют в городе освещение, проводят электричество в частных домах и ведет активную общественную жизнь. Интересный казус вспоминает Галина Климентовна: *«Папа был старостой церкви, провел в церкви электричество, чем очень рассердил староверов»*. Исследователь Светлана Ковальчук пишет: *«Полковник активно работал в резекненском Пушкинском обществе, состоял в Объединении Ливенцев, поддерживал отношения с ветеранами Белого движения, обосновавшихся в Западной Европе, а с 1930 по 1936 год был постоянным корреспондентом журнала «Служба Связи Ливенцев и Северозападников»»*.

Умер Климент Иванович Дыдоров 10 марта 1938 года в Резекне. Похоронен в Риге на Покровском кладбище. Сегодня немногие помнят подвиг русских солдат и офицеров в лихие годы гражданской войны, в годы образования национальных прибалтийских государств, но даже этого хватает, чтобы из народной исторической памяти не исчезли такие качества как храбрость, благородство, честь и верность. Такие качества и силы души были и у офицера Климента Ивановича Дыдорова.

(По материалам книги «Белая борьба на северо-западе России» и рукописных воспоминаний дочери Дыдорова К.И. Галины Климентовны Теофиловой, проживающей ныне в Бразилии, г. Сан-Паулу).